

Как видим, отношения Суллы с элитами изучаются весьма плодотворно, хотя источниковая база осталась прежней. С одной стороны, последнее обстоятельство серьезно ограничивает возможности их интерпретации, но с другой, есть все основания надеяться, что предел этих возможностей отнюдь еще не достигнут.

Литература

- Инар Ф. 1997: Сулла. Ростов-на-Дону.
Короленков А.В., Смыков Е.В. 2010: Из новейшей литературы о Сулле // ВДИ. 1, 218–229.
Утченко С.Л. 1969: Древний Рим: События. Люди. Идеи. М.
Brizzi G. 2002: Silla. Roma.
Christ K. 2002: Sulla. Eine römische Karriere. München.
Gabba E. 1972: Mario e Silla // ANRW. I. Bd. 1, 764–805.
Giardina A. 2010: Cesare vs Silla // Cesare: precursore o visionario? Atti del convegno internazionale. Cividale del Friuli, 17–19 settembre 2009 / A cura di G. Urso. Pisa, 31–46.
Henderson B. 1897: The Grant of *immunitas* to Brundisium // CQ. Vol. 11, 251–257.
Hinard F. 2008: SVLLANA VARIA: Aux sources de la première guerre civile romaine. De l'archéologie à l'histoire. P.
Ingrisch F. 2007: Sullas *dictatura rei publicae constituendae* und Caesars *dictatura rei gerendae*. B.
Jehne M. 1997: Caesar. München.
Katz B.R. 1979: The Selection of L. Cornelius Merula // RhM. 122. 2, 162–166.
Keaveney A. 2005: Sulla: the Last Republican. L.–N.Y.
Keaveney A. 2007: The Army in the Roman Revolution. L.–N.Y.
Letzner W. 2000: Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie. Münster.
Linke B. 2005: Die römische Republik von den Gracchen bis Sulla. Darmstadt.
Lovano M. 2002: The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart.
Mackay C.S. 2000: Damon of Chaeronea: The Loyalties of a Boeotian Town during the First Mithridatic War // Klio. 82, 91–106.
Pohl H. 1993: Die römische Politik und die Piraterie im östlichen Mittelmeer von 3. bis zum 1. Jh. v. Chr. B.–N.Y.
Ridley R.T. 2000: The Dictator's Mistake: Caesar's Escape from Sulla // Historia. 49. 2, 211–229.
Salmon E.T. 1967: Samnium and the Samnites. Cambr.
Santangelo F. 2007: Sulla, the Elites and the Empire. A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden–Boston.
Sherwin-White A.N. 1984: Roman Foreign Policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. L.
Thein A.G. 2002: Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph.D. Univ. of Pennsylvania.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук, научный редактор
журнала «Новая и новейшая история»

Е.В. Смыков,
кандидат исторических наук, доцент
Саратовского государственного университета

© 2011 г.

M. DE FILIPPI. Dignitas: tra Repubblica e Principato. Bari, 2009. 191 p.

Новая книга известной итальянской исследовательницы-романистки Маризы де Филиппи, профессора римского права Университета Бари, посвящена анализу содержания одного из ключевых латинских правовых понятий – *dignitas*. Уже во Введении автор справедливо подчеркивает, что для понимания слова *dignitas* нужно рассмотреть историю его развития. Правда, она ограничивает свое исследование лишь эпохами Республики и Принципата, к сожалению, не объясняя, чем обусловлены эти рамки. Между тем *dignitas* и связанные с ним категории отнюдь не утратили своего значения и во времена Поздней Римской империи. Так, в шестой книге «Кодекса Феодосия» представлена система позднеримских должностных и сенаторских рангов (названные *dignitates*), четко регламентирован объем привилегий и почестей, предоставляемых на каждой карьерной ступени. Бесспорно, истоки

этой системы следует искать в той эпохе, которой занимается М. де Филиппи. С другой стороны, изучение системы позднеримских рангов могло бы с известными оговорками способствовать лучшему пониманию статуса сенатора и магистрата I в. до н.э. – III в. н.э. и получению целостной картины развития концепта *dignitas*.

Как бы там ни было, книга М. де Филиппи построена не по хронологическому, а по тематическому принципу. Этот подход позволяет не только изучить историю понятия, но и рассмотреть все области его применения. Книга состоит из трех глав. Первая посвящена этимологии слова *dignitas* и его употреблению в трудах Саллюстия, Цицерона, Тита Ливия, Сенеки и Тацита. Надо заметить, что исследовательница не ограничивается всесторонним и подробнейшим анализом произведений вышеуказанных авторов. Прежде чем перейти к ним, она разбирает комедии Плавта, Теренция, фрагменты ранних историков и др. (с. 27–37). Все это позволяет увидеть, какие коннотации были присущи искомому понятию изначально, что нового в его понимание внес каждый из перечисленных авторов, и как оно менялось с течением времени. Основная же часть первой главы построена на материале произведений Цицерона (с. 37–43, также привлекается для сопоставления в других разделах), которые исследовательница признает своим главным источником. В его языке эта категория занимает едва ли не центральное место, что объясняется происхождением великого оратора. Как *homo novus* он вынужден был самостоятельно строить свою карьеру, используя интеллектуальные и моральные качества: порядочность, образование, талант, благочестие и т.д. – все то, что входило в понятие *dignitas*. Иными словами, при Республике это слово обозначало внутренние и сугубо положительные качества человека, без которых карьера политика была немыслима. В то же время под ним подразумевался и политический статус, чаще всего сенаторская тога.

Стоит обратить внимание на тщательность, с которой М. де Филиппи проводит семантический анализ. При этом активно привлекаются произведения Цицерона как политико-философские трактаты, так и переписка (особенно письма к близким). В результате она, кажется, раскрывает все грани *dignitas* у знаменитого оратора.

При этом, как ни удивительно, М. де Филиппи оставляет без внимания речи Цицерона, где *dignitas* употребляется довольно часто и иногда в очень любопытных контекстах. Например, несколько раз оно встречается в одном ряду с *officium*, еще одним многозначным словом¹, порой выступающим явным синонимом к *dignitas*. Здесь можно вспомнить вышедшую недавно испанскую монографию «Политическое мышление во времена Цицерона», автор которой, П. Лопес Барха де Кирога, на материале как трактатов и писем оратора, так и его речей анализирует место отдельных политических и правовых концептов (как *libertas*, *dignitas*, *res publica*, *iustitia* etc.) в полисной идеологии². Наверно, анализ речей Цицерона не повлиял бы кардинальным образом на полученные выводы, но мог бы дополнить картину некоторыми яркими штрихами.

Вообще, насколько мне известно, до М. де Филиппи специально понятие *dignitas* рассматривал только бельгийский исследователь Ж. Эллегуарк³. Однако в своей монографии он изучал только общественно-политические термины и потому не заострял внимание на их внеполитических, вне-социальных коннотациях. В свою очередь, М. де Филиппи на материале писем Цицерона доказала, что *dignitas* уже в эпоху Республики могло означать образ жизни аристократа и круг достойных его занятий, среди которых была как политика, так и, например, изучение философии или писательская деятельность. Правда, основной все же была политическая коннотация.

В эпоху Принципата, как считает исследовательница, круг внеполитических значений *dignitas* существенно расширяется. В произведениях авторов I–II вв. н.э. это слово обозначает внутренние качества человека вообще. Так, для Сенеки *dignitas* является средством достижения внутренней свободы (с. 51–52). По мнению исследовательницы, с изменением политического режима произошла определенная трансформация системы ценностей, что и отразилось на словоупотреблении *dignitas* (с. 44–45). В социально-политическом словаре эпохи под этим термином стали подразумевать в первую очередь магистратуры и лишь затем место в сенате (с. 46).

Во второй главе М. де Филиппи переходит к исследованию значений этого слова в риторических трактатах. И здесь главными ее источниками являются пособия по воспитанию оратора, написанные Цицероном и Квинтилианом. Она исследует соотношение концепта *dignitas* с другими важнейшими общественно-политическими понятиями, как, например, *maiestas rei publicae* (с. 61–62), *civitas Romana*, (с. 62–64), *ius novum* (с. 77–79) и т.д.

¹ *Cic. Ver. I. 1. 28*: «Quid faceres pro innocente homine et pro pinquo, cum propter hominem perditissimum atque alienissimum de officio ac dignitate decedis, et committis ut quod ille dictitat alicui qui te ignoret verum esse videatur?». *Cp. Cic. Ver. I. 1. 27*; *II. 5. 84*.

² См., например, недавнюю монографию López Barja de Quiroga, 2007.

³ Hellegouarc’h 1963, 388–424.

Здесь слово *dignitas* чаще обозначает высокий общественный или политический статус. От риторических трактатов, где оно соседствует с политическими и правовыми терминами⁴, М. де Филиппи переходит к анализу его употребления в трудах римских юристов.

Третья (последняя) глава по объему значительно превосходит первые (с. 85–171). Возникает ощущение, что два предыдущих раздела (при том, что их собственная научная ценность не вызывает сомнений) играют некоторую вводную роль. В них исследовалось значение слова *dignitas*, изучались все возможные контексты его употребления, чтобы затем показать читателям, как функционировал этот концепт в римском частном и публичном праве.

Третья глава делится на несколько параграфов, в каждом из которых рассматриваются те или иные правовые контексты употребления слова *dignitas*: применительно к сенаторскому сословию, в гражданском процессе, *dignitas* и *delicta* и т.д. На первый взгляд может показаться, что сама глава представляет набор очерков о *dignitas*, никак логически между собой не связанных (за исключением, конечно, самого анализируемого слова). После прочтения это впечатление, к сожалению, не исчезает полностью. Правда, М. де Филиппи в самом начале главы (с. 85–90) выделяет некоторые общие особенности использования слова *dignitas* в трудах юристов. Так, она обращает внимание на то, что этот термин использовался для характеристики главным образом представителей аристократии (с. 85–86). Тем не менее даже после вступительных замечаний не всегда видны логические или содержательные переходы от одного параграфа к другому.

Каждый раздел является завершенным и, прибавлю, интереснейшим исследованием, в котором отражена та или иная грань словоупотребления понятия *dignitas*. М. де Филиппи показывает, насколько важна была эта абстрактная категория в жизни сенатора, каким образом она определяла его поведение и положение в обществе (см. с. 90–93, 99–110). Так, сенаторам вменялось в обязанность иметь дом в Риме (с. 90–91), запрещалось жениться на вольноотпущенниках (с. 102–104) и т.д. вплоть до регламентации похоронного обряда. Тем самым М. де Филиппи не просто описывает образ жизни сенаторского сословия, но и раскрывает один из механизмов, формирующих статус сенаторов.

Не менее интересны замечания относительно гражданского процесса и *dignitas* рабов (с. 110–120). Далее автор раскрывает роль *dignitas* в имущественных отношениях (с. 120–151). Так, исследовательница замечает, что во многих фрагментах сочинений юристов встречается пара *dignitas*–*facultas* или *dignitas*–*substantia*, в которой последний термин всегда обозначает материальное благосостояние. Но и первое слово имеет экономическую коннотацию и обозначает не просто репутацию, а репутацию именно состоятельного человека (с. 133). Свои наблюдения М. де Филиппи подкрепляет многочисленными источниками. В следующем разделе она исследует, каким образом *dignitas* вольноотпущенника сказывалась на размере и характере его обязательств по отношению к бывшему хозяину (с. 151–158).

Затем автор показывает, как влияла эта категория на определение степени вины правонарушителя, нанесение оскорбления (*iniuria*) или совершившего правонарушение (*crimen*). Она приводит комментарии Павла и Ульпиана к известной норме из Законов XII таблиц, касающейся *iniuria*. Юристы посчитали, что штраф за нанесение оскорбления должен соответствовать статусу (*dignitas*) потерпевшего (с. 154–155). Что же касается преступлений (*crimina*), то они, как констатирует М. де Филиппи, разбирались в соответствии с законом Августа о публичных судах (*Lex Iulia de iudiciorum publicorum*, 17 г. до н.э.). Затем она переходит к исследованию того, как функционировало судопроизводство на местах, и поэтому в следующем разделе рассматривает сквозь призму концепта *dignitas* полномочия управляющих римскими провинциями и декурионов муниципий (с. 158–170). Среди прочего она останавливается на том, какую роль играл статус участников публичного судебного разбирательства.

Эта проблема интересует исследовательницу исключительно с формальной стороны. Иными словами, она разбирает все случаи, когда римские юристы прямо предписывали судье обращать внимание на *dignitas* участников процесса. Например, Ульпиан советовал из числа обвинителей выслушивать тех, у кого высокий социальный статус и безупречная репутация. М. де Филиппи не рассматривает те контексты, в которых вместо *dignitas* фигурируют его синонимы (*auctoritas*, *honor* etc.). По-видимому, она намеренно не вступает в многолетнюю дискуссию о том, что такое римский суд: состязание репутаций или исследование доказательств⁵ и сознательно обходит работы по этой теме, даже в тех случаях, когда их авторы анализируют те же самые фрагменты⁶. Зато М. де Филиппи ссылается на многочисленные труды своих предшественников, рассматривавших отдельные аспекты этой проблемы с юридической точки зрения (как М. Бретоне, М. Таламанка, Ф. Ботта и др.).

⁴ См., например: Rhet. ad Heren. 2. 19 и подробный анализ этого фрагмента на с. 64–71 рецензируемой монографии.

⁵ См. Garnsey, 1970; David, 1992. Подробный анализ дискуссии см. Смышляев, 2008.

⁶ Ср. комментарий к Д. 48. 2. 16 (*Ulp. 2 de off. cons.*) Peachin, 1996. 70.

Монография завершается комментарием к D. 11. 3. 14. 1 (Paul. 2 ad ed.) относительно соращения сына или дочери домовладыки. В этом случае отцу дается иск по аналогии (*actio utilis*), чтобы защитить *dignitas* своей семьи (с. 170–171).

Итак, монография М. де Филиппи «*Dignitas: от Республики до Принципата*» представляет собой глубокое и тщательное исследование одного из ключевых понятий римской культуры. Анализируя в первых двух главах всевозможные контексты – литературные, философские риторические и юридические произведения, – она показывает, пожалуй, весь спектр значений этого слова. К сожалению, третья глава выглядит слишком мозаичной. Читатель получает исчерпывающее представление о том, как влияло представление о *dignitas* римского аристократа на отдельные составляющие его правового статуса, но механизм функционирования представлений о *dignitas* в системе римского права, на мой взгляд, остается не до конца раскрытым. Тем не менее наблюдения и выводы по каждому параграфу в целом выглядят вполне обоснованными и, я уверена, представляют интерес для любого историка Древнего Рима.

Литература

Смышляев А.Л. 2008: «Добрые нравы» и «суровые законы» в римском суде // Древнее право = *Ius antiquum* 2 (22). М., 2010, 76–96.

David J.-M. 1992: *Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine*. Rome.

Garnsey P. 1970: *Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire*. Oxf.

Hellegouarc'h J. 1963: *Le vocabulaire latin des relations et des parties politiques sous la République*. P.

López Barja de Quiroga P. 2007: *Imperio legítimo: el pensamiento político en tiempos de Cicerón*. Madrid.

Peachin M. 1996: *Iudex vice Caesaris*. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate. Stuttgart.

Е.С. Криницына,
аспирантка Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

N. COFFEE. *The Commerce of War: Exchange and Social Order in Latin Epic*. Chicago–London: The University of Chicago Press, 2009. XI, 326 p.

Монография Нила Коффи¹ – одна из довольно многочисленных в последнее время работ, в которых римские эпические тексты рассматриваются как своего рода описание устройства общества. Действительно, нарративный текст всегда некоторым образом описывает социальные отношения. О римском эпосе писали как о модели коммуникации², гендерных отношений³, политической реальности⁴, системы заместительного насилия в духе Рене Жирара⁵. Рассматриваемая работа предлагает посмотреть на эпос через призму экономических отношений. Экономика и – более широко – проблематика обмена несомненно присутствуют в эпосе и на уровне образности, и на уровне социальных моделей, так что такой взгляд явно уместен, и в не меньшей степени обращение к нему представляется на данном этапе полезным: до сих пор цельной обобщающей разработки он, насколько нам известно, не получал. В этом смысле рецензируемая монография должна заполнить, по-видимому, пустующее место.

¹ См. также краткую рецензию: Bernstein 2009. Н. Коффи защитил PhD в Университете Чикаго в 2003 г. (на тему: «*Belli Commercii: Violent Exchange in Vergil's Aeneid*»), работает в Университете Буффало. Это его дебютная монография, ранее он опубликовал несколько статей (материалы глав настоящей монографии, посвященных Стацию, см. Coffee 2006 и Coffee 2009; материалы глав о Лукане будут, видимо, перепечатаны отдельно в готовящемся к печати «*Brill's Companion to Lucan*»). Сейчас он работает над второй книгой под названием «*The Rhetoric of Economics in Classical Rome*».

² Мы назовем по каждому пункту несколько наиболее ярких из относительно недавних работ: Laird 1999; Smith 2005; Anzinger 2007.

³ Keith 2000; Richlin 1992; в духе Лакана: Hardie 2002.

⁴ McGuire 1997; Quint 1993; Dominik 1994.

⁵ Hardie 1993; Bandera 1994.